

DOI 10.22363/2312-9220-2017-22-4-627-639

УДК 821.161.1

СВОЕОБРАЗИЕ МОСКОВСКОГО ТЕКСТА АЛЕКСАНДРА ИЛИЧЕВСКОГО

М.В. Селеменова

Московский городской университет управления Правительства Москвы
ул. Сretenка, д. 28, Москва, Россия, 107045

Статья посвящена выявлению своеобразия Московского текста современной русской литературы на примере прозы Александра Иличевского. В ходе проведенного исследования были выявлены мифопоэтические основы Московского текста А. Иличевского и проанализированы особенности художественного осмысления традиционных мифологем («город-женщина», «город-дом», «град Китеж», «город-жертва огня»), рассмотрены общие для литературы мегаполиса рубежа XX–XXI веков мотивы тесноты, пустоты, клаустрофобии на материале романа «Матисс». В результате исследования установлено, что современная Москва в прозе Иличевского — это топос власти, карьеры и успеха, сущность которого концентрированно выражена в локусе «Москва-сити», а центральные персонажи романа «Матисс» — странники, духовные скитальцы с присущими им чертами отрешенности от материальных ценностей, склонности к рефлексии, импульсивности не совпадают с ценностно-целевыми установками мегаполиса. Москва в прозе Иличевского является как местом притяжения героев (городом-домом), так и пространством нравственно-философского конфликта (городом-антидомом).

Ключевые слова: Московский текст, современная русская литература, литература мегаполиса, мифопоэтика, мифологема, текстопорождающая основа, город-дом, город-антидом, город-женщина, герой-странник, локус, топос

Во втором десятилетии XXI века Московский текст как локальный текст русской литературы перестал вызывать острые дискуссии о правомерности его вычленения и оформился в отечественной филологии с точки зрения семиотики, мифопоэтики и концептосферы. Научное сообщество пришло к соглашению относительно ключевых текстопорождающих элементов Московского текста, включив в их число «сакральную роль Москвы для России, архетипичность этого образа-символа, связь московского топоса с другими российскими топосами (Петербург, провинция, юг России), московскую мифологию» [5]. Вместе с тем, современная отечественная литература ищет новые изобразительные средства для адекватного отражения современных реалий московского мегаполиса и, тем самым, обозначает новые стратегии формирования Московского текста, требующие существенного переосмысления имеющегося филологического багажа текстуальных моделей.

Одним из современных прозаиков, стремительно обновляющих Московский текст отечественной литературы, является Александр Иличевский. Писатель снимает с Москвы наслоения эпох и ищет первозданную сущность города, пытается

увидеть за блеском торопливого и честолюбивого мегаполиса древнюю величественную столицу. В интервью Дмитрию Бавильскому 2011 года Иличевский прямо указывает на стратегию обновления Московского текста: «...город как герой, ландшафт как герой сильно меня увлекают. В случае Москвы текст будет жестким, очень жестким, бесслезным» [3]. Чтобы постичь сущность столицы писатель, по его собственному признанию, часами ходил по городским улицам, всматривался и вчувствовался в московские реалии: «Когда писал стихи, очень любил гулять по центру Москвы с клочком бумаги в руке и ручкой, которой набрасывал на ходу черновик. В конце я садился на бульваре и записывал выхоженное» [3]. Результатом длительной творческой эволюции, в ходе которой Иличевский из тонкого лирика превратился в мастера большой формы, стала тетралогия «Солдаты Апшеронского полка» (2013), объединившая романы «Матисс», «Перс», «Математик» и «Анархисты».

Центральные персонажи романов — физик Леонид Королев («Матисс»), геофизик Илья Дубнов («Перс»), математик Максим Покровский («Математик»), художник Петр Соломин и доктор Яков Турчин («Анархисты») — выстраивают особые отношения с урбанизированным миром, противопоставляя себя ему и в переломный момент судьбы выламываясь из него, совершая экзистенциальный побег. Москва для них, одновременно, и место притяжения, т.е. город, в котором постоянно происходят судьбоносные встречи и поворотные события, и точка противостояния, место своеобразной дуэли с судьбой.

Осмысление своеобразия Московского текста Александра Иличевского в современной филологической науке находится на стадии выработки общего подхода и концептуальных положений. Определенный вклад в разработку данной темы внесли работы М.В. Безрукавой [1], Е.С. Воробьевой [2], Т.Л. Рыбальченко [11; 12], Н.А. Томиловой [14], Э.Ф. Шафранской [17]. Задача дальнейшего исследования Московского текста А. Иличевского — выявление его мифопоэтических и семиотических ориентиров в контексте Московского текста XIX—XX веков.

В каждой книге тетралогии «Солдаты Апшеронского полка» на первый план выносятся одна из сущностных характеристик столицы. В «Матиссе» Иличевский создает образ маргинальной Москвы, представляющей собой «ареал подпольного обитания: путевые туннели вокзалов, ниши путепроводов, сухие коллекторы, теплые подвалы, окрестности свалок, попрошайные посты» [4. С. 9]. Выбор данной грани образа Москвы обусловлен тем, что время действия в романе — постсоветская действительность, в которой автор фиксирует распад привычных связей и усиление контраста между столицей и остальной Россией: «...вся страна куда-то ехала и разбрелась, брела — и только Москва пухла недвижимостью, чем-то могучим и враждебно потусторонним Природе» [4. С. 28]. Ключевая пространственная метафора «Матисса» — опустевший исторический центр, захваченный бездомными: «едва ли не целые улицы — Пятницкая, Остоженка, Цветной бульвар и окрестности — стояли выселенными. <...> Покинувшие их жильцы забрали с собой не всю мебель, не всю утварь. И кое-где оставили целыми замки с торчащими в них ключами от рушащегося будущего» [4. С. 28]. С помощью образа пустого места, проецируемого на центр Москвы как средоточие истори-

ческих артефактов, культуры, искусства, автор нивелирует антитезу между благополучием и неустроенностью, между домом и бездомьем.

В «Персе» Москва показана как столица империи, парадная сторона российской действительности, прикрывающая неустроенность и бедность остальной России: «Жизнь в Москве спекулятивная, несправедливая, хотя благополучие в ней очевидней несчастья. Кремль — со всеми его колокольнями, куполами — казался мне парадным, заповедным сервизом, из кубков которого если и пьют, то только брагу, отравленную властью...» [4. С. 241]. Имперский размах жизни города парадоксальным образом строится на том, что «все лучшее в Москве устроено малодоступным и коварным образом» [4. С. 241]. Антиномичность города, в котором «маскарад не отличить от погрома, а воровство от созидания» [4. С. 245], обуславливает тот факт, что гостей столица встречает радушно, а своих жителей часто превращает в скитальцев или ссыльных, которые как «разлетевшиеся частицы толикой возвращаются к остывшему эпицентру» [4. С. 241]. В романах «Матисс» и «Перс» типом героя становится хрестоматийный для Московского текста русской литературы XX века *герой-странник*, духовный скиталец, пытающийся обрести Москву как город-дом.

В «Математике» образ Москвы сливается с образом матери, выступая авторской интерпретацией традиционной мифологемы Московского текста «город-женщина». Топоров В.Н., выявляя два варианта этой мифологемы — «город-дева» и «город-блудница», утверждает: «Чтобы достичь блага, дева должна стать не блудницей, но матерью, <...> подобно матери-городу» [16. С. 56]. В романе Иличевского мифологема «города-женщины», восходящая к архетипу праматери, сущность которой — «рождающее чрево» [16. С. 73], переосмыслена в русле сюжета о блудном сыне. Москва-мать брошена Максимом Покровским ради успеха и самореализации на чужбине, но разлука осознана как ошибка: «Слабая, безвольная женщина, которую он оставил, так и не повидав, в Москве, — теперь занимала все его сознание, всю совесть» [4. С. 861]. Возвращение сына к матери воспринимается как обретение Родины.

В «Анархистах» Москва — финансовая столица России: герои едут туда, чтобы снять деньги с банковского счета или попросить в долг у родных. Герои стараются дистанцироваться от мегаполиса, приезжать туда только для решения деловых вопросов, а для души выбирают «калужские надель» или «великий город» Санкт-Петербург [4. С. 879, 971]. Все ракурсы изображения Москвы — маргинального подземелья, роскошной имперской столицы, города-женщины, делового и финансового центра страны — нужны Иличевскому, чтобы осмыслить миссию столичного мегаполиса и его влияние на каждого горожанина. Для выявления специфики авторской модели Московского текста Александра Иличевского обратимся к первой части тетралогии «Солдаты Апшеронского полка» — роману «Матисс» (2007), в котором заданы ориентиры мифопоэтического и семиотического осмысления образа Москвы.

В Московском тексте Иличевского много общих мест литературы мегаполиса. Одной из главных черт современной Москвы в его прозе является «бездушное скопище автомобилей», которые концентрируют «сгустки человеческой усталости»

сти, чванства, ненависти, беззаботности, безразличия, сосредоточенности...» [4. С. 9–10]. Одушевление автомобиля и овеществление человека переносится автором на мир города и мир природы в целом: «...неживое приличнее человеческого», «в строгом устройстве крохотного кристалла больше смысла, красоты, чего-то значимого, что объяснило бы ему, ради чего он живет, чем в бездне человеческого, переполнившего этот город» [4. С. 10]. Мотив тесноты и борьбы за жизненное пространство, пронизывающий литературу мегаполиса, трансформируется в романе «Матисс» в мотив клаустрофобии главного героя Королева, которому «спазм пространства спирал дыхание в туннелях метро, на эскалаторах, в очереди в супермаркете» [4. С. 110]. Вслед за Королевым начинает задыхаться вся Москва, которую заняли «захлапленные госучрежденческие высотки с низкими потолками», с «медленными узкими лифтами», стянули «тугие чулки лестниц», заполнили автомобильные пробки. Приступы клаустрофобии героя Иличевский объясняет не привычными для литературы мегаполиса причинами — переполненностью города, борьбой за жизненное пространство, феноменом толпы, а «неврозом исторического масштаба, отсутствием эсхатологической модели вообще» [4. С. 110]. Герой «Матисса» не ощущает никакой потенциальности как модуса бытия и не верит в переход окружающего мира в качественно иное состояние, что образно передано как нехватка воздуха, т.е. автор тетралогии «Солдаты Апшеронского полка» обращается к одному из ключевых текстопорождающих элементов Московского текста русской литературы — мифу о сотворении города, в котором нет эсхатологической составляющей.

Для Московского текста русской литературы не характерно построение эсхатологической модели: от «повестей о начале Москвы» XVII века, в которых оформился столичный миф [10], до современной литературы мегаполиса подход к изображению Москвы как Града Божьего, Вечного города, Города-дома принципиально не менялся. Даже ключевой для Московского текста образ-символ огня как грозной стихии, угрожающей древней столице, не воспринимается в качестве основы мифа об экпирисисе (на отсутствие эсхатологического мифа как текстопорождающей основы Московского текста справедливо указывали В.Н. Топоров, Н.Е. Меднис [8; 15]). Иличевский практически не использует образ пожара как главной стихии, угрожающей Москве. В романе «Матисс» традиционная мифология Московского текста *Москва, сожженная пожаром* наполняется конкретно-историческим содержанием в образе «Пылавшего Манежа», отсылающего из 2004 года к пожарам 1812 года («Грузный дымный Бонапарт, сложив руки, стоял в небе над Москвой» [4. С. 111]), но существенной роли в формировании знаково-символьного поля Московского текста Иличевского образ огня не играет, главной угрозой Городу-дому становится *пустота*.

Семантическая пустота, по Иличевскому, есть следствие «отсутствия эсхатологической модели вообще». Эту пустоту бытия ощущают как герой-интеллектуал Королев, так и живущие инстинктами бездомные Вадя и Надя. В завязке действия романа «Матисс» Иличевский создает мнимую оппозицию героев и их социальных сфер: физик Леонид Королев (мир благополучия)/бездомные Вадя и Надя (мир отверженных). Контраст снимается практически в момент завязки основного конфликта романа: Королев, «выросший в интернете и возмужавший

в общаге, в течение жизни остро ощущавший бездомность», тянется к бездомным, чтобы «поделиться, хотя бы и косвенно, частичкой своей устроенности» [4. С. 11]. Благополучного героя и представителей мира отверженных объединяет цель — найти «не что-то ценное, а малодоступное, не видное общему глазу» [4. С. 65], т.е. заполнить пустоту бытия, обрести жизненную перспективу, найти смысл жизни.

По мере развития действия в романе «Матисс» мотив пустоты выходит на первый план, парадоксальным образом усиливая звучание мотива тесноты. Работа ночным сторожем, расклейщиком объявлений, страховым агентом способствует знакомству Королева с изнанкой столичной жизни: «Москва оказалась полна неведомых промзон, грузовых терминалов, складов, товарных станций, машиностроительных заводов — казалось, не было в ней места жизни» [4. С. 91]. Количество локусов, физически заполненных, но семантически пустых множится, и герой романа пытается запечатлеть эту пустоту, создать своеобразную картотеку пустых мест Москвы. Нулевыми локусами в художественном мире романа становятся и Курский вокзал, который «круглосуточно кипел, гнил, сквозил, пускал и глотал жизнь, как незаживающая дыра в теле пространства» [4. С. 114], и кладбище в Тропаревском лесу, и пустой стадион «Лужники». Мотивы тесноты, клаустрофобии и пустоты способствуют созданию образа Москвы как архетипического антидома: «В центре Кремль расплзается пустотой, разъедая жизнь; окраины полнятся лакунами пустырей, заставленных металлоломом производства; где осесть жизни?» [4. С. 91]. В художественном мире романа «Матисс» Иличевского есть здания, но нет домов, есть большой Город, но нет Дома. Символично в картотеке образов с семантикой пустоты выглядит велосипед «Украина», на котором друг Королева выехал в Киев и пропал без вести. Гибель близкого человека — такая же пустота, «пробоина, залатать которую могла только материя надежды» [4. С. 116]. Показывая, как локусы пустоты формируются после ухода близких людей, Иличевский выходит за рамки локального текста и показывает пустоту в масштабах страны: «Постоянно множились бродячие толпы пропавших без вести, ставших невидимками, — страна стремительно нисходила в незримое от ничтожности состояние. Безлюдность воцарялась повсюду. Брошенные деревни затягивались тоской запустения. Пустошь наступала, разъедая плоть населения» [4. С. 116]. Единственным способом преодоления пустоты, наполнения жизни смыслом для героев Иличевского становится обретение дома.

Роман «Матисс» с точки зрения стратегии формирования образа Москвы делится на две неравные части: первая часть показывает попытки героя-протагониста обрести Москву-дом, вторая показывает, как Москва становится антидомом, обрекая героя на бездомье. Корольев делает многократные попытки обрести дом в Москве: он пытается стать частью московской семьи из Сокольников «с долгой несчастливой судьбой, иссеченной войнами и репрессиями, с антресолями, набитыми археологическим достоянием нескольких эпох убогого быта» [4. С. 86], но трагическая гибель возлюбленной Королева Кати ставит крест на этом пути к дому; он приобретает квартиру в долг на кабальных условиях, но это жилье, так и не ставшее домом, достается работодателю Гиттису. Единственным домом Королева становятся московские улицы: «Москва то бесчувственно его обтекала

бульварами, набережными, скверами, двориками за Трехсвятительскими перекрестками, за Солянкой, то бросалась в лоб кривляющейся лошастью — не то пегасом, не то горбунком, привскакивала галопом пустырей, припускала иноходью новостроек — и все норвила отпечатать на сознании — подковой — взгляд, свой личной, сложный, грязный след, так похожий на покривившуюся карту: с зрчком Кремля, кривой радужкой реки, орбитами кольцевых, прорезами промзон, зелеными лесопарков» [4. С. 123]. Москва причиняет герою боль, отвергает его, но только прогулки по старым московским улицам помогают ему «создать область дома, воздушную родную улитку» [4. С. 123], т.е. отсутствие дома в столице приводит к тому, что герой начинает воспринимать весь *город как дом*, а странничество как форму жизнеустройства. Иличевский в изображении Москвы как приюта странников ориентируется на Московский текст Андрея Платонова. Жизненный путь Королева повторяет перипетии судеб Москвы Честновой, Сарториуса, Самбикина, Божко («Счастливая Москва»), которые за счет метаморфоз социального, профессионального, семейного статуса преодолевают нормативность городского социума и выбирают странничество как способ существования.

Прогулки Королева по Москве-дому воспринимаются как путешествие во времени, в ходе которого за проспектами и высотками «открывались то деревня, то перелесок, то роща, то овраг, то пахотные земли, болотца, вместо шоссе — распутица многоколейного тракта, отражавшая полосы мокрого неба, снежные облачка, редкий лес...» [4. С. 78]. Иличевский стирает с портрета Москвы новейшие урбанизированные черты и показывает город в ракурсе истории. Герой «Матисса» «обожал бродить по той же Пресне с факсимильным альбомом Сытина в руках, выискивая унисоны ракурсов, снимая покровы асфальта и прочей строительной белиберды...» [4. С. 149]. Королев стремится не замечать исторических деформаций, он вглядывается в столицу XIX века, словно стремится вернуться «в непрожитое прошлое» [4. С. 79]. Один из вариантов «непрожитого прошлого» связан для Королева не с Москвой, а с Петербургом: «Питер предстал перед Королевым совершенно потусторонним прекрасным миром. <...> Родись он в Питере, думал Королев, этот город совсем по-другому бы его слепил, выпестовал — одним только пространством...» [4. С. 92]. Петербург является в романе «Матисс» как упущенная возможность обрести город-дом, но значимой оппозиции Московского и Петербургского текстов в тетралогии Иличевского нет. В дальнейшем в романе «Анархисты» образ Петербурга и его культурного наследия будет укрупнен по сравнению с другими романами тетралогии, влияние «вычеркнутого из разума страны и в то же время некогда созданного для решительного формирования ее разума, стиля» [4. С. 971] Петербурга на формирование личности Соломина показано как весьма значимое, но сюжетообразующих противопоставлений образа жизни и культуры двух российских столиц здесь нет.

Когда все попытки обрести дом завершаются неудачей, герой «Матисса» приходит к осознанию бессмысленности поиска своего локуса во внешнем мире: «Снаружи Родины теперь нет. Зато она есть внутри. И давит. Вместо пространства воцарилась бездомность. Можно за плечами собрать сколько угодно домов, но все они будут пришлыми, как раковины, подобранные отшельником» [4. С. 122]. Когда Королев окончательно отказывается от идеи обретения дома, он соверша-

ет магическое действие — бросает ключи от квартиры в реку, тем самым показывая необратимость принятого решения. Иличевский таким образом обозначает не только новый статус героя, но и его символический переход в иной мир — мир физически живых людей, но социально мертвых, лишенных каких-либо связей с обществом. В этот момент герой уподобляется хтоническому существу, поскольку выбирает в качестве среды обитания столичные подземелья и переживает череду внутренних метаморфоз: «...он словно бы становился мыслью города, мыслью его недр»; «под землей он становился слышим самому себе, более себе доступен» [4. С. 140, 146].

В восприятии бездомных Москва — «остросюжетное пространство» [4. С. 135], в котором ежедневно нужно проходить квест на выживание. Поначалу герою «пешее скитальчество виделось освобождением, он стремился отстать от дебрей городского мрака, надеясь, что бремя исчезнет как-то само собой, что тяготы пути — ничто по сравнению с рабством» [4. С. 117]. Подобно тому, как в сиротском детстве Королева в моменты обострения экземы отправляли в грязевую лечебницу на Апшероне, в ситуации обострения внутренней духовной «экземы», герой отправляется в свой личный Апшерон — подземелья Москвы.

Бродяжничество Королева вполне справедливо трактуется рядом исследователей как дервишество. Н.А. Томилова отмечает двойственность феномена дервишества в романах Иличевского: «Дервишество осмысливается в творчестве А. Иличевского и как ветвь исламского мистицизма, и в контексте традиции духовного и телесного эскапизма в целом. Странничество в поисках Бога, сути мира и себя самого является преимущественным способом жизни героев Иличевского» [14. С. 12]. Сам писатель в обосновании выбора Королевым бродяжничества как образа жизни ссылается на «Путешествие Иегуды Авитара», написанное поэтом, под видом дервиша пересекшим Среднюю Азию, но очевидно, что для Леонида Королева более актуальна парадигма героя-странника, не ориентированного исключительно на богоискательство.

В романе «Матисс» формируется образ Москвы-Левиафана, который затем будет воспроизводиться в других романах «Солдат Апшеронского полка». Мифологическое морское чудовище, «над которым бог одерживает победу в начале времен» [9. Т. II. С. 42], проецируется Иличевским на образ Москвы не только чтобы усилить впечатление от размера, силы, могущества города, но и чтобы подчеркнуть дуэльный характер взаимоотношений героя и столицы. Королев «гнался за Москвой и впивался в нее — она была его левиафаном. Он находил в ней столько увлекательного страха, столько приключенческой жути, извлекаемой при посещении необычайных мест, что порой утром никак не мог сообразить, чем сперва ублажить себя, чем заняться, куда пойти: не то на чердаки Чистого переулка — копать в рухляди и старых журналах, <...> не то — пробраться на заброшенные мансарды Архангельского подворья...» [4. С. 136]. Антиномичность образа Москвы-Левиафана, усиленная оксюморонами «увлекательный страх», «приключенческая жуть», «ублажить себя» тем, что «копать в рухляди», отражает путь героя-странника в столице, одновременность притяжения к городу и отталкивания от него. Не сумев покорить гляцевую успешную Москву, герой начинает покорять Москву маргинальную, изнаночную, становится частью ее недр,

проходит зримо прочерченный в романе путь вниз — от чердаков и мансард к подвалам, коллекторам и подземельям метрополитена. В образе Леонида Королёва явственно проступают черты героев-праведников Московского текста русской литературы — нестяжательство, рефлексивность, погруженность в мир собственной души.

В развитии действия формируется образ Москвы — осинового лабиринта, в котором пустые лакуны значительнее и объемнее перенаселенных территорий: «Москва скоро выстроилась в его представлении ячеистым осиным лабиринтом — раскольцованным, кое-где перенаселенным, кое-где вымершим, благоухающим душком запустения, тления, исходящего от шуршащих мертвых, необычайно легких ос — но непременно полным лакун, нор, ходов, ведущих в потусторонние места, над которыми нет никакой власти ни у государства, ни у человека, где царит городской деспот-миф, где морок обыденности ретируется перед дерзостью любопытства» [4. С. 136]. Образ осинового лабиринта отсылает к образу обезматочившего улья, с которым сравнивал Москву Л.Н. Толстой [13. Т. VI. С. 291]. По мысли Толстого, пустая Москва, оставленная горожанами и отданная французским захватчикам, — это обезматочивший улей, который создает иллюзию полноты жизни, но в реальности оказывается лишь оболочкой, надежно охраняющей сокровенные нематериальные ценности города. У Иличевского пустая Москва — территория абсолютной свободы, где иррациональное доминирует над рациональным, где простор преодолел тесноту мегаполиса и где городские мифы обретают реальные черты.

Обращаясь к городским мифам, Иличевский смотрит на них с позиции современной урбанизированной реальности и подвергает переосмыслению. Так, в частности, писатель рассматривает мифологему «Москва — град Китеж», которая наряду с мифологемой «Москва — второй Вавилон», обрела особую актуальность в Московском тексте XX века. По справедливому наблюдению Е.Е. Левкиевской, в пореволюционном Московском тексте «образ города раздваивается — внешне лишенный света, одичавший от собственной жестокости и залитый кровью, он оказывается полон тайных светильников, до времени закрытых от постороннего глаза...» [6. С. 829]. Миф о Москве — граде Китеже и миф о втором Вавилоне актуализируются на сломе эпох, в моменты исторических катаклизмов, как например, в пореволюционной Москве 20-х годов или в постсоветской Москве 90-х годов XX века. Проецируя на подземную столицу мифологему «Москва — град Китеж», Иличевский демонстрирует ее исчерпанность в сознании горожанина, живущего на излете XX века: «...никакого отражения Москвы под землей не было, никакой второй Москвы не имелось и в помине. Почвы московские — болота, плывуны да гуляющие речушки» [4. С. 143]. У Иличевского под землей находится не град Китеж (подлинник), а макет Кремля, «прообраз сжавшегося города» (симулякр), т.е. под землей «все та же Москва, в которой выключили свет и убили всех людей» [4. С. 147]. В Московском тексте Иличевского баланс мифов о Москве — граде Китеже и Москве — втором Вавилоне нарушен: Москва («Вавилон столицы», «купеческая алчная клоака», «прорва» [4. С. 136, 148, 163]) в романе «Матисс» лишена тайных светильников, но полна угроз и опасностей.

Мифологему «Москва — город-женщина» Иличевский также рассматривает через призму мифа о Москве — втором Вавилоне и персонифицирует столицу в образе вавилонской блудницы. Девушка-Москва, татуированной картой [4. С. 156], соблазняет главного героя романа «Матисс» Королева, но не показывает своего лица. Как только герой нарушает запрет и смотрит на «женскую субстанцию» Москвы, героиня бесследно исчезает. Типичный для мифологии запрет видеть лицо человека как некое условие (спасения, воссоединения, избавления) у Иличевского показан в апокалиптическом ключе. Король, как мифический Орфей, спускается в подземелья Москвы для встречи с душой города, но получает только телесную сущность и, в нарушение запрета, смотрит на девушку. Вместо Эвридики ему видится вавилонская блудница, на теле которой начертаны семь холмов Москвы (в этом образе очевидна отсылка к Откровению Иоанна Богослова, в котором вавилонская блудница восседает на семиглавом звере).

Мучительные сны о девушке-Москве прекращаются только тогда, когда герой постигает сущность города: «Москва — рогатое слово, <...>. “М” — это Воробьевы горы, пила кремлевской стены. “О” — Садовое, Бульварное, Дорожное кольцо. “С” — полумесяц речной излучины. “К” — трамплины лыжные, кремль, конь черный. “Ва” — уа, уа, — детский крик, вава» [4. С. 156]. Москва в романе «Матисс» — это город власти, город страданий, Антидом, в котором «нечем облагородиться или просветлиться», где «мир в нутро не проникает» [4. С. 178]. Для Королева будущее Москвы апокалиптично (неслучайно, в перечне символов столицы указан черный конь — атрибут одного из всадников Апокалипсиса), символом грядущего Апокалипсиса является гигантская стройка Москвы-сити — «огромный провал, в котором можно было захоронить целый город» [4. С. 183]. После выхода на поверхность земли герой «Матисса» перестает видеть очертания девушки-Москвы в ландшафте города, «страдающее, кричащее женское лицо, с гнилыми зубами высоток, перекошенными губами Бульварного кольца исчезает» [4. С. 163], вместо этого ему везде видится «прорва Москвы» — ямы, провалы, пропасти. Финальный пространственный локус, который находит герой «Матисса» в столице, — котлован Москвы-сити, воспринимается им как могила города и становится предвестником гибели героя романа за пределами Москвы («Король за день обходил всю стройку. И замирал внутри. Она влекла его, как могила» [4. С. 183]). Уход Королева из Москвы и последовавшая за этим гибель предопределены его нравственно-духовной парадигмой. Герои-странники, столь органичные для Московского текста XX века (литературы русского зарубежья, прозы Платонова, Пастернака, Пильняка, Булгакова), не вписываются в Московский текст литературы мегаполиса: созерцательность, самоуглубленность, нерасчетливость по отношению к материальным ценностям, увлеченность научными и духовными изысканиями, далекими от повседневных нужд, делают странников чужаками в мегаполисе — мире карьерных траекторий, тотального селфменеджмента и экономических выгод.

Подводя итоги, можно утверждать, что в Московском тексте русской литературы XXI века, представленном в настоящем исследовании прозой А. Иличевского, идея сакральности и мессианства российской столицы сопрягается с иде-

ей космополитичности и унифицированности современного мегаполиса. В создающемся сегодня Московском тексте «переплетаются модернизационно-вестернизационные и ориентально-архаические черты» [7. С. 181], и, следуя данной тенденции, А. Иличевский отражает в своих романах все ключевые черты литературы мегаполиса (мотивы тесноты, пустоты, клаустрофобии, овеществления человека), но при этом сохраняет ориентацию на традиционные мифопоэтические и семиотические основы Московского текста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- [1] *Безрукавая М.В.* Концепция личности в романах А. Иличевского // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 4 [Электронный ресурс]. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=13936> (дата обращения: 10.08.2017).
- [2] *Воробьева Е.С.* Маргинальный герой в русской прозе последней трети XX — начала XXI вв.: автореферат дисс. ... канд. филол. наук. Архангельск, 2016. 18 с.
- [3] *Иличевский А.* «Последнее, что сдаст позицию, — красота»: интервью Д. Бавильскому [Электронный ресурс]. URL: http://www.chaskor.ru/article/aleksandr_lichevskij_poslednee_chto_sdst_positsiyu_-_krasota_23151 (дата обращения: 11.08.2017).
- [4] *Иличевский А.* Солдаты Апшеронского полка: Матисс. Перс. Математик. Анархисты: романы. М.: АСТ, 2013. 1082 с.
- [5] *Калмыкова В.В.* Межвузовский научный семинар «Москва и “московский текст” в русской литературе и фольклоре. Москва в судьбе и творчестве русских писателей» [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2011/109/ka43.html> (дата обращения: 22.08.2017).
- [6] *Левкиевская Е.Е.* Москва в зеркале православных легенд // Лотмановский сборник. Вып. 2 / ред.-сост. Е.В. Пермяков. М.: Изд-во О.Г.И., 1997. 346 с.
- [7] *Люсий А.П.* Московский текст: текстологическая концепция русской культуры. М.: Изд. Дом «Вече»; ООО «Русский импульс», 2013. 320 с.
- [8] *Меднис Н.Е.* Сверхтексты в русской литературе [Электронный ресурс]. URL: <http://rassvet.websib.ru/chapter.htm?no=35> (дата обращения: 16.08.2017).
- [9] Мифы народов мира: энциклопедия в 2 т. / под ред. С.А. Токарева. М.: Большая Российская энциклопедия, 1997. 980 с.
- [10] *Одесский М.П.* Москва — град святого Петра // Москва и московский текст русской культуры: сб. ст. / отв. ред. Г.С. Кнабе. М.: Изд-во РГГУ, 1998. С. 9—25.
- [11] *Рыбальченко Т.Л.* Роман А. Иличевского «Матисс» в контексте романа А. Платонова «Счастливая Москва»: антропологический аспект // Вестник Томского государственного университета. Сер. Филология. 2016. № 3 (41). С. 135—155.
- [12] *Рыбальченко Т.Л.* Сюжет бродяжничества и новая картина мира в современной русской литературе // Вестник Томского государственного университета. Сер. Филология. 2013. № 6 (26). С. 87—100.
- [13] *Толстой Л.Н.* Собр. соч.: в 20 т. [Текст] / Л.Н. Толстой; сост. и науч. ред. В. Порудоминского. М.: ТЕРРА, 1997. 640 с.
- [14] *Томилова Н.А.* Мотив дервишества в русской литературе (на материале творчества Сухбата Афлатуни, Тимура Зульфикарова, Александра Иличевского): дисс. ... канд. филол. наук. М., 2014.
- [15] *Топоров В.Н.* Петербургский текст русской литературы: избранные труды / ред. Н.Г. Николаюк. СПб.: Искусство-СПб., 2003. 616 с.
- [16] *Топоров В.Н.* Текст «города-девы» и «города-блудницы» в мифологическом аспекте // Структура текста-81. М., 1981. С. 53—58.
- [17] *Шафранская Э.Ф.* Роман Александра Иличевского «Матисс» // Русская словесность. 2008. № 4. С. 37—40.

© Селеменова М.В., 2017

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 30 августа 2017

Дата принятия к печати: 25 сентября 2017

Для цитирования:

Селеменова М.В. Своеобразие Московского текста Александра Иличевского // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика*. 2017. Т. 22. № 4. С. 627–639. DOI 10.22363/2312-9220-2017-22-4-627-639

Сведения об авторе:

Селеменова Марина Валерьевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин и истории права Московского городского университета управления Правительства Москвы. Контактная информация: e-mail: SelemenevaMV@edu.mos.ru

ORIGINALITY OF THE MOSCOW TEXT BY ALEXANDER ILICHEVSKY

M.V. Selemeneva

Metropolitan Governance University
Sretenka str., 28, Moscow, Russia, 107045

The article is devoted to revealing the originality of the Moscow text of contemporary Russian literature on the example of Alexander Ilchevsky's prose. In the course of the research, the mythopoetic foundations of the Moscow text of A. Ilchevsky were revealed and the features of artistic comprehension of traditional mythology ("city-woman", "city-house", "city of Kitez", "city-victim of fire"), megalopolis of the turn of XX–XXI centuries motives of tightness, emptiness, claustrophobia on the material of the novel "Matisse". As a result of the research it was established that modern Moscow in Ilchevsky's prose is a topos of power, career and success, the essence of which is concentrated in the "Moscow-City" locus, and the central characters of the novel "Matisse" are wanderers with inherent features of detachment from material propensities, propensity to reflect, impulsiveness do not coincide with the values and goals of the metropolis. Moscow in the prose of Ilchevsky is both a place of attraction of heroes (city-house) and a place of moral and philosophical conflict (anti-house city).

Key words: modern Russian literature, Moscow text, literature of the megalopolis, mythopoetics, mytheme, the generating text basis, woman-city, city house and city anti-house, character-wanderer, locus, topos

REFERENCES

- [1] Bezrukavaya M.V. *Koncepciya lichnosti v romanah A. Ilchevskogo* [The concept of the personality in novels by A. Ilchevsky]. *Sovremennye ateria nauki I obrazovaniya*. 2014. № 4. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=13936> (accessed 10.08.2017).
- [2] Vorob'eva E.S. *Marginal'nyj geroj v russkoj proze poslednej treti XX — nachala XXI vv.* [The marginal hero in the Russian prose of the last third of XX — the beginnings of the 21st centuries]: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. Arkhangelsk, 2016. 18 p.

- [3] Ilichevsky A. «Poslednee, chto sdast poziciyu, — krasota»: Interv'yu D. Babil'skomu [“The last that will hand over a position, — beauty”: Interview to D. Babil'sky]. URL: http://www.chaskor.ru/article/aleksandr_lichevskij_poslednee_chno_sdast_pozitsiyu_-_krasota_23151 (accessed 11.08.2017).
- [4] Ilichevsky A. Soldaty Apsheron'skogo polka: Matiss. Pers. Matematik. Anarhisty: romany [Soldiers of the Apsheron regiment: Matisse. Persian. Mathematician. Anarchists: novels]. M.: AST publisher, 2013. 1082 p.
- [5] Kalmykova V.V. Mezhevuzovskij nauchnyj seminar «Moskva i “moskovskij tekst” v russkoj literature i fol'klоре. Moskva v sud'be i tvorchestve russkih pisatelej» [An interuniversity scientific seminar “Moscow and “the Moscow text” in the Russian literature and folklore. Moscow in destiny and works of the Russian writers”]. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2011/109/ka43.html> (accessed 22.08.2017).
- [6] Levkievskaya E.E. Moskva v zerkale pravoslavnyh legend [Moscow in a mirror of orthodox legends]. Lotmanovskij sbornik. V. 2. Red.-sost. E.V. Permyakov. M.: O.G.I. publishing house, 1997.
- [7] Lyusyj A.P. Moskovskij tekst: tekstologicheskaya koncepciya russkoj kul'tury [Moscow text: textual concept of the Russian culture]. M.: Publishing house «Veche»; LLC Russky impulse, 2013. 320 p.
- [8] Mednis N.E. Sverhteksty v russkoj literature [Supertexts in the Russian literature]. URL: <http://rassvet.websib.ru/chapter.htm?no=35> (accessed 16.08.2017).
- [9] Mify narodov mira: Ehnciklopediya v 2 t. [Myths of people of the world: The encyclopedia in 2 t.]. Pod red. S.A. Tokareva. M.: Big Russian encyclopedia, 1997.
- [10] Odesskij M.P. Moskva — grad svyatogo Petra // Moskva i moskovskij tekst russkoj kul'tury. Sb. Statej [Moskva — Saint Pyotr's hail // Moscow and the Moscow text of the Russian culture: collection of articles]. Otv. red. G.S. Knabe. M.: RGGU publishing house, 1998. P. 9—25.
- [11] Rybal'chenko T.L. Roman A. Ilichevskogo «Matiss» v kontekste romana A. Platonova «Schastlivaya Moskva»: antropologicheskij ateri [Novel by A. Ilichevsky “Matiss” in the context of the novel by A. Platonov “Happy Moscow”: anthropological aspect]. Bulletin of the Tomsk state university. Philology series. 2016. № 3 (41). P. 135—155.
- [12] Rybal'chenko T.L. Syuzhet brodyazhnichestva i novaya kartina mira v sovremennoj russkoj literature [A plot of vagrancy and a new picture of the world in modern Russian literature]. Bulletin of the Tomsk state university. Philology series. 2013. № 6 (26). P. 87—100.
- [13] Tolstoj L.N. Sobr. Soch.: V 20 t. [Collected works: In 20 volumes]. Sost. i nauch. red. V. Porudominskogo. M.: TERRA publishing house, 1997.
- [14] Tomilova N.A. Motiv dervishestva v russkoj literature (na aterial tvorchestva Suhbata Aflatuni, Timura Zul'fikarova, Aleksandra Ilichevskogo) [Motive of a dervishestvo in the Russian literature (on material of creativity of Sukhbat Aflatuni, Timur Zulfikarov, Alexander Ilichevsky)]: diss. ... kand. filol. nauk. M., 2014.
- [15] Toporov V.N. Peterburgskij tekst russkoj literatury: Izbrannye trudy [Petersburg text of the Russian literature: Chosen works]. Red. N.G. Nikolayuk. SPb.: Art SPb., 2003. 616 p.
- [16] Toporov V.N. Tekst «goroda-devy» i «goroda-bludnicy» v mifologicheskome aspekte [The text of “city maiden” and “city loose woman” in mythological aspect]. Structure of the text-81. M., 1981. P. 53—58.
- [17] Shafranskaya Eh.F. Roman Aleksandra Ilichevskogo «Matiss» [Novel by Alexander Ilichevsky “Matiss”]. Russkaya slovesnost'. 2008. № 4. P. 37—40.

Article history:

Received: 30 August 2017

Revised: 22 September 2017

Accepted: 25 September 2017

For citation:

Selemeneva M.V. (2017). Originality of the Moscow text by Alexander Ilichevsky. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 22 (4), 627–639. DOI 10.22363/2312-9220-2017-22-4-627-639

Bio Note:

Marina Selemeneva, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Social and Humanitarian Disciplines and History of Law, Metropolitan Governance University.
Contact information: e-mail: SelemenevaMV@edu.mos.ru